

Научная статья
УДК 574.5:005(09)
doi:10.37614/2949-1185.2023.2.1.012

БИОЛОГИЧЕСКИЕ СТАНЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОРГАНИЗАЦИЯ И ФИНАНСИРОВАНИЕ

Екатерина Юрьевна Жарова

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники имени
С. И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, zharova_ekaterina@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3404-0759>

Аннотация

В статье представлен материал, показывающий особенности организации и финансирования морских и пресноводных биологических станций. Несмотря на то что биологические станции уже выступали объектами научных исследований, историки концентрировались чаще на биографических аспектах. Однако личности основателей этих станций и проводившаяся там научная работа показывают только одну сторону их деятельности. В данной статье показана другая сторона — как организовались станции и кому они подчинялись, а также кто выделял деньги на их существование. Основателями станций являлись чаще всего университетские профессора, однако подчинялись станции не университетам напрямую, а научным обществам. Такое подчинение было обусловлено бюрократическими препонами: для организации станций при университетах необходимо было добиться официального разрешения министра, а затем получить средства от университета, который сам в них нуждался. Именно по этой причине профессора предпочитали использовать научные общества, которые выделяли деньги из членских взносов, или использовать собственные средства. Также привлекались средства меценатов. Министерства народного просвещения и земледелия и государственных имуществ, больше всех заинтересованные в существовании станций, деньги выделяли крайне неохотно и нерегулярно. Поэтому станции испытывали хронический финансовый голод и нуждались в финансировании на протяжении всего имперского периода.

Ключевые слова:

биологические станции, университеты, научные общества, гидробиология, Российская империя

Для цитирования:

Жарова Е. Ю. Биологические станции в Российской империи: организация и финансирование // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 141–149. doi:10.37614/2949-1185.2023.2.1.012.

Original article

BIOLOGICAL STATIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE: ORGANIZATION AND FINANCING

Ekaterina Yu. Zharova

St. Petersburg branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, RAS,
Saint Petersburg, Russia, zharova_ekaterina@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3404-0759>

Abstract

The article presents the features of the organization and financing of marine and freshwater biological stations. The history of the biological stations was described from the point of mainly biography or the scientific interests of the researchers who worked there. However, this shows only one side of their activity. This article comes to the other side, how the stations were organized and who controlled them, as well as who gave money for their activities. The founders of the stations were mostly university professors; however, the stations were not directly subordinated to universities, but to scientific societies. Such subordination was the reason of bureaucratic obstacles: in order to organize stations at universities, it was necessary to obtain official permission from the minister, and then receive funds from the university, which itself needed them. This was the reason that professors preferred to use scientific societies that provided money from membership fees, or use their own funds. The patronage was also used. The ministries of public education and agriculture and state property, which were the most interested in the stations, gave money extremely reluctantly and irregularly. Therefore, the stations experienced chronic financial needs and needed funding all the time during the imperial period.

Keywords:

biological stations, universities, scientific societies, hydrobiology, the Russian Empire

For citation:

Zharova E. Yu. Biological stations in the Russian empire: organization and financing. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2023, vol. 2, no. 1, pp. 141–149. doi:10.37614/2949-1185.2023.2.1.012.

История биологических станций в России рассматривалась зоологами и историками науки как в их дореволюционный, так и в советский периоды существования [1–3]. Цель настоящей статьи — акцентировать внимание на финансировании станций и их подчинении, а также показать роль формальных и неформальных институций в организации биостанций в Российской империи.

Как известно, наука в России была организована государством. Академия наук, а затем и университеты были государственным предприятием, которое регулировалось и управлялось Министерством народного просвещения. Длительное время инициативы шли преимущественно сверху, поэтому были явлением редким. Инициативы снизу, впрочем, не всегда отвергались, однако реализация их могла быть затруднена. Так, например, произошло с инициативой профессора зоологии Карла Федоровича Кесслера, касавшейся съездов естествоиспытателей, которая ждала своего часа более 10 лет. В отличие от первой половины XIX века, во второй половине мы видим более частые и более масштабные примеры самоорганизации научного сообщества и как результат увеличение количества инициатив, претворенных в жизнь.

Первым примером такой инициативы снизу являются те самые съезды естествоиспытателей, на которых ученые не только обсуждали научные проблемы, но и выдвигали новые инициативы по организации науки в России. На первых съездах были предложены два очень важных проекта, которые в значительной степени повлияли на развитие как биологии, так и естественных наук в целом. Речь идет о создании обществ естествоиспытателей при каждом университете и о создании биологических станций. Так как одно связано с другим, следует сказать о первом, а затем перейти ко второму.

Первые общества естествоиспытателей появились еще до первого съезда естествоиспытателей 1868 года. Это были общества в Риге (1845) и Дерпте (1853), а затем в Москве (1863). Последнее, Общество любителей естествознания, было обществом нового формата, задачей которого было «вывести науку за тесные академические рамки и сделать ее «общим достоянием», привлечь более широкий круг людей к изучению природы России» [4: 67]. Самое старое общество натуралистов, Московское общество испытателей природы (МОИП), было ориентировано на академическую среду, в то время как Общество любителей естествознания (ОЛЕ, позже ОЛЕАЭ) — на внеакадемическую, на любителей естествознания, не связанных с университетами и любыми другими формальными институциями. Участники зоологической и ботанической секций первого съезда естествоиспытателей (1868) выразили мнение, что общества любителей естествознания необходимы при каждом университете. Уже в течение нескольких лет общества были открыты при Петербургском (1868), Харьковском (1869), Киевском (1869), Казанском (1869), Новороссийском (1870) университетах. Эти общества развернули достаточно активную деятельность по организации научных экспедиций, изданию научных журналов, а также по открытию биологических станций, второго проекта, предложенного на втором съезде естествоиспытателей (1869).

Во второй половине XIX века морская биология была одной из наиболее динамично развивающихся биологических наук, в том числе и благодаря созданию биологических морских станций. Первые морские станции были открыты во Франции, в Конкарно (1859) и Аркашоне (1867), обе на берегах Бискайского залива. Центром притяжения для многих зоологов, изучавших морских беспозвоночных, тем не менее, было Средиземное море, а именно Неаполитанский залив. В Неаполь и его окрестности ученые приезжали частным образом, арендовали квартиру, лодку и работали в условиях, для этого не подходящих. «Несмотря на то, что я довольно хорошо экипирован инструментами и книгами, я должен признать, если быть честным, что мое выступление далеко не оправдало моих ожиданий. Моему русскому компаньону Миклухо-Маклаю жилось ненамного лучше. Мы были живыми примерами тех двух случаев напрасного труда, о которых говорилось выше, и нас обоих обстоятельства заставили спонтанно задуматься о больших преимуществах, которые мы могли бы получить от хорошо организованной лаборатории», — писал в 1872 году Антон Дорн [5: 416], рассказывая о своей поездке в Мессину в 1868 году.

Именно после этой поездки и родилась идея о постройке зоологической станции в Италии, которая в итоге была реализована в Неаполе в 1872–1873 годах. На этой станции (в России известной под именем станции Дорна или Неаполитанской зоологической станции) международные исследователи могли арендовать столы (в 1890 году 36 столов было арендовано 15 странами [6: 11]), что регулярно и делалось для русских исследователей Министерством народного просвещения

(сначала 2 стола, а с 1904 года — четыре¹). Это был не просто стол сам по себе, а полноценное рабочее место с возможностью пользоваться материалами, приборами, реактивами, книгами и всем, чем станция располагала. Надо сказать, что плата была достаточно высока: Россия платила 300 талеров за один стол в 1874 году, 500 талеров — с 1875 года, 2000 золотых франков — в 1882–1894 годах и 2500 франков — в 1895–1914 годах [7: 94]. Курс рубля к франку в 1913 году был 1 к 2,67², таким образом, 2500 франков составляло 936 рублей. Эта система сдачи столов в аренду научным учреждениям и правительствам, которую придумал Дорн, давала станции ощутимую прибыль. К моменту смерти А. Дорна в 1909 году на его станции работало от 50 до 60 «столов» [8: 295].

Н. Н. Миклухо-Маклай, друг и соратник А. Дона, после поездки в Мессину стал участником второго съезда естествоиспытателей 1869 году в Москве, а также секретарем отдела зоологии, анатомии и физиологии. И во время второго заседания 23 августа он предложил открыть зоологическую станцию в России, ссылаясь на опыт Дорна. Таким образом появилась идея создания Севастопольской биологической станции, основанной в 1871 году. Курировало работу станции Новороссийское общество естествоиспытателей [9: 16].

В отличие от станции Дорна, которая получала деньги за сдаваемые в аренду столы для международных исследователей, российские станции, наоборот, хронически недополучали финансирование, так как средства на них выделялись частными лицами (зачастую самими профессорами-основателями), научными обществами (которые сами получали деньги преимущественно за счет членских взносов) и от случая к случаю от государственных структур (Министерства народного просвещения или Министерства земледелия и госимуществ, заинтересованного в практическом изучении водоемов на предмет их промыслового использования). Большинство станций были организованы научными обществами, так как при открытии станции от университета путь через министерство (а именно оно давало разрешение и должно было выделять деньги, которых у него никогда не было) был долг и тернист. Гораздо проще было открыть станцию, которая была бы независима от университета или любого другого научного учреждения, чем обивать пороги чиновников в ожидании разрешения и средств на ее открытие. Но встраивание в официальную государственную структуру означало получение стабильного финансирования, поэтому иногда руководство станций на это решалось.

Так, в 1891 году Севастопольская станция Новороссийского общества естествоиспытателей была передана в ведение Академии наук. Директор станции с 1889 года А. О. Ковалевский был избран академиком, и именно он инициировал передачу станции, что значительно улучшило ее финансовое положение. Усиление финансирования станции привело к строительству морского аквариума и значительно увеличило число работающих на ней специалистов, так как из-за высоких цен на наем помещений в Севастополе станция имела «всего одну рабочую комнату с двумя столами, и только с трудом можно поместить третьего работающего; она не имеет ни рыбака, ни лодки, ни снарядов для ловли морских животных и крайне затрудняется в доставке зоологического и ботанического материала в лаборатории ближайших университетов...»³, — писал А. О. Ковалевский в 1889 году в прошении на выделение средств для постройки отдельного здания станции, которое было построено только в «академический» период. Несмотря на то что станция была детищем Новороссийского общества естествоиспытателей, все же быть частью Академии наук оказалось более стабильно в плане финансирования.

После появления станции в южном море зоологи обратили свой взор на север. В Петербургском университете в 1880-е годы профессором зоологии был Николай Петрович Вагнер, личность неоднозначная, если не сказать, одиозная. Судя по многочисленным воспоминаниям студентов [10], преподавание зоологии он забросил, но специалистом по беспозвоночным он был хорошим. Видимо, вся его энергия ушла на организацию первой биостанции на холодном море, а именно Соловецкой биостанции. Любопытный момент состоит в том, что Вагнер был адептом чрезвычайно популярного в то время спиритизма, но это не помешало ему наладить отношения с архимандритом Соловецкого монастыря Мелетием, который выделил станции рыбацкий домик. Первое время станция жила за счет частных пожертвований, затем небольшие средства стали выделяться самим университетом. С 1896 года станции было выделено правительственное пособие в 1500 рублей, благодаря которому на ней появился постоянный лаборант, лабораторные инструменты и принадлежности, а библиотека пополнилась новыми изданиями. Помимо специальных исследований, практикующие на станции

«собирали учебно-вспомогательные коллекции для разных высших учебных заведений: для Московского сельско-хозяйственного института, Варшавского университета, Военно-Медицинской академии, Женского медицинского института, Высших женских курсов в С. Петербурге и наконец для зоологического кабинета С. Петербургского университета»⁴.

В 1898 году в связи со сменой монастырского руководства обществу естествоиспытателей было отказано в размещении станции в стенах монастыря. Ober-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, к которому обратился новый архимандрит монастыря Иоанникий с просьбой об упразднении станции, в обращении в МНП пересказывал слова последнего о том, что натуралисты «смотрят на эту станцию, как на свою собственность, а оказываемую им монастырем материальную помощь и поддержку считают как нечто должное, составляющее обязанность монастыря», а также, что «образ жизни приезжающих на станцию натуралистов далеко не соответствует святости иноческой обители, под кровом котором они производят свои ученые изыскания и исследования: они вовсе не посещают храма божия, не соблюдают постов, употребляя во время их скоромную пищу, выписывают для себя целыми ящиками вина, не стесняются принимать к себе женщин и позволяют себе дурно отзываться о монастырских обычаях и порядках»⁵. Все это, конечно же, считалось представителями общества естествоиспытателей наговором. Однако они ничего не смогли сделать, поэтому в 1899 году станция была перенесена в город Александровск-на-Мурмане [11: 5] (и переименована в Мурманскую): «В начале лета 1899 года все немногочисленное имущество станции было под руководством ее бывшего лаборанта, действительного члена ИСПБОЕ Д. Д. Педашенко и при участии лаборанта станции А. К. Линко и двух студентов К. М. Дерюгина и А. А. Починкова упаковано и перевезено в Екатерининскую гавань Кольского залива (в Архангельске к ним присоединился Дмитрий Константинович Глазунов). Там, в двух километрах от нового административного центра города Александровска, на мысу, облюбованном петербургскими биологами, начался следующий этап развития станционных работ на Севере — 34 года существования Мурманской биологической станции» [3: 26].

Оборудование станции на новом месте заняло 5 лет (в это время строилось здание на средства общества естествоиспытателей и МНП), и в 1904 году она была открыта. Были построены два дома, оборудованы лаборатория, аквариальная, библиотека, а также сооружена пристань, с которой можно было выходить в море на специально построенном для станции боте «Орка» [1: 46].

Кроме двух морских станций в России зоологи систематически использовали европейские биологические станции, как уже говорилось выше, МНП арендовало столы на станции А. Дорна в Неаполе. Однако двух столов было недостаточно, и, в конце концов, в 1886 году при активном участии профессора зоологии университета святого Владимира А. А. Коротнева в Вилла-Франке появилась русская зоологическая станция, помещением для которой стал переданный русскими военными угольный склад. Именно А. А. Коротнев занимался делами станции, вложил в нее свои средства и даже добился для нее покровительства великого князя Михаила Александровича Романова [12: 26].

Помимо морских станций в Российской империи в конце XIX века появлялись и пресноводные. Самая первая станция — на озере Глубоком. Она была основана в 1891 году при отделе ихтиологии Общества акклиматизации животных и растений Н. Ю. Зографом, председателем этого отдела и профессором Московского университета. Владельцем озера Глубокого в конце XIX — начале XX века был Саввино-Строжевский монастырь, который не препятствовал научным занятиям на станции. Перед настоятелем в 1890 году ходатайствовал князь А. Г. Щербатов, в то время рузский уездный предводитель дворянства, заплативший арендную плату за первый год⁶. На эту станцию летом выезжали студенты-специалисты для изучения пресноводной фауны. Жертвователями на нужды станции стали сам профессор Зограф и частные лица, среди которых был П. Д. Долгоруков, на чьи деньги была построена первая лаборатория станции [13: 63]. Кроме частных пожертвований станция получала точечное финансирование от Министерства земледелия и госимуществ⁷. Н. Ю. Зограф так характеризовал финансирование станции: «Средства, которыми жила и живет теперь станция, совершенно случайные. Более всего приходил ей на помощь Господин Министр Земледелия и Государственных Имуществ Алексей Сергеевич Ермолов, ассигнуя в распоряжение Отдела ихтиологии трижды средства, часть которых шла на нужды станции; следующим источником дохода были устраивающиеся Отделом в Русском Охотничьем Клубе конкурсы аквариев и рыбоводства, которые, однако, за последнее время стали менее посещаемы публикой, жаждущей новых зрелищ, так что последний конкурс еле очистил 350 рублей дохода, что и побудило Отдел на время прекратить их;

часть сборов Отдел также отдавал на нужды станции. Теперь единственным источником доходов станции является членский сбор Отдела Ихтиологии, источник весьма недостаточный, почему станции и приходится поистине существовать добродетельными деяниями»⁸. Зограф писал также, что станция существовала на 494 рубля в год, тогда как ей требовалось 1194 рубля. Открытие станции обошлось в 2000 рублей, из которых 1000 рублей дал П. Д. Долгоруков, 500 рублей субсидировало Министерство земледелия и 500 рублей Отдел ихтиологии⁹. В. Д. Лепешкин, рассказывая об опыте открытия биологической станции Иллинойского университета, указывает сумму в 20 000 рублей, которая была собрана университетом и правительством на обеспечение станции всем необходимым в течение первых трех лет ее существования. Причем большая часть этой суммы была выделена правительством¹⁰. К сожалению, получить правительственное финансирование для российских станций было практически невозможно.

Неудивительно, что станции открывались благодаря инициативе отдельных биологов на их собственные средства. Так, в 1895 году профессор ботаники Лесного института И. П. Бородин на собственные средства основал пресноводную станцию на Бологовском озере, которая впоследствии была передана им Санкт-Петербургскому обществу естествоиспытателей и переименована в Бородинскую. С 1906 года она действовала на озере Селигер. Эту станцию в 1901 году посещал московский профессор зоологии Г. А. Кожевников, который на тот момент был первым и пока единственным крупным русским зоологом, заинтересовавшимся «юным учреждением настолько, чтобы взглянуть на него лично»¹¹. В 1908 году он сам оказался основателем пресноводной биологической станции в Косине [14], которая формально была организована Комиссией для исследования фауны Московской губернии, председателем которой он был с 1901 года. Эта комиссия была учреждена по инициативе А. П. Богданова в 1893 году (при зоологическом отделе ОЛЕАЭ) и продолжала работать после его смерти. Первое время ею руководил А. А. Тихомиров, а затем Г. А. Кожевников, который вложил много сил в работу комиссии и, главное, привлек молодых талантливых зоологов.

В начале XX века при участии обществ естествоиспытателей были организованы другие пресноводные биологические станции — Волжская (Саратовское общество, 1900), Днепровская (Киевское общество, 1909), Северо-Донецкая (Харьковское общество, 1914). Тогда же появились еще две морские станции — Одесская на Малом Фонтане и Ковдинская, которые основывались университетами, а не обществами — это был первый опыт подобной организации.

Одесская зоологическая станция появилась по инициативе профессора зоологии П. Н. Бучинского, который обратился в физико-математический факультет в 1901 году с ходатайством об организации станции в пределах университетской дачи, которая, помимо учебных и научных целей, могла бы поспособствовать «более полному изучению как фауны, так и флоры Одесской бухты, которая до настоящего времени является совершенно не исследованной в указанных направлениях»¹². Комиссия, созданная факультетом для окончательного решения этого вопроса, признала необходимость станции и предложила обратиться в МНП за средствами на постройку помещения станции и оборудования ее необходимыми материалами (14 000 единовременно на постройку здания и оборудования его и ежегодно 1 500¹³). Министерство, однако, средств на станцию не нашло, поэтому П. Н. Бучинскому пришлось просить передачу для станции домика сторожа. Домик этот оказался не слишком пригоден для станции, поэтому П. Н. Бучинский многократно просил правление о выделении денег на его перестройку.

После перестройки домика станция представляла собой четыре комнаты, три из которых были рабочими. Одновременно на станции могло работать 5–6 человек¹⁴. От университета станция получала ежегодно 350, затем 450 рублей, еще 150 рублей выделяло Новороссийское общество естествоиспытателей. После ухода профессора П. Н. Бучинского в отставку в 1911 году деятельность станции практически остановилась, а правление университета перестало выделять на нее деньги. Все это привело к упадку станции и ее постепенному разрушению. Профессор Д. К. Третьяков, принявший в заведование зоотомический кабинет и его отдел — биологическую станцию, обратился в факультет с просьбой о выделении средств на постройку здания станции, об установлении штатных средств на нее в размере 1400 рублей и о выделении средств на покупку оборудования¹⁵. Однако ходатайство это было написано в 1914 году, поэтому МНП отложило его «на будущее время»¹⁶.

В 1915 году Д. К. Третьяков обратился к недавно назначенному министру графу П. Н. Игнатьеву с новым ходатайством об ассигновании средств на станцию. П. Н. Игнатьев, в свою очередь, направил запрос в правление о выделении части земли ботанического сада для станции и предложил представить

сметы на постройку ограды и отдельного помещения для летнего размещения занимающихся¹⁷. Результатом стало выделение участка земли для станции и смета на постройку барака, постройка же ограды и ремонт здания станции были отложены «до более благоприятного времени в военном отношении»¹⁸. В таком виде станция просуществовала до 1921 года, когда была разрушена [15: 493].

Ковдинская станция была организована благодаря профессору Юрьевского университета К. К. Сент-Илеру, который несколько раз устраивал экскурсии со студентами в Ковду, на Белое море: «Обычно Сент-Илер приезжал со студентами в Ковду в середине июля и оставался до 20-х чисел июля, а иногда и до середины августа. Поскольку собственного здания станция не имела, располагались они в помещениях, о которых удавалось договориться на месте. Помещения эти от года к году менялись, что, конечно, усложняло работу» [1: 105]. Таких экскурсий было проведено три — в 1908, 1911, 1913 годах. В 1914 году сотрудникам пришлось экстренно собираться из-за начала боевых действий и добираться обратно через территорию Финляндии. Даже несмотря на трудности военного времени, экскурсия 1915 года в Ковду состоялась.

Фактически Ковдинская станция начала свое существование в 1908 году, хотя о ней как о станции¹⁹ сам К. К. Сент-Илер говорил применительно к 1914 году. Вообще, история основания этой станции началась с инициативы студентов Юрьевского университета об организации экскурсий в 1906 году. Первая экскурсия была ботанической по окрестностям, а вторая, зоологическая, направилась в Ковду (решение принимал К. К. Сент-Илер). На первую экскурсию 1908 года средства выделил университет. Вторая экскурсия в 1911 году была организована на средства Департамента земледелия по вопросам ихтиологии и прикладной зоологии и университета. В дальнейшем экскурсии организовывались на средства университета (на эти средства покупалось и оборудование). Всего за время существования станции (с 1908 по 1915 год) ее посетило 53 человека из числа студентов и сотрудников Юрьевского университета, а в общей сложности число посетителей оказалось около 100 человек [1: 107]. Несмотря на многочисленные попытки К. К. Сент-Илера, официального статуса в имперский период Ковдинская станция так и не получила, оставаясь лишь географической точкой экскурсий студентов на Белое море.

Таким образом, биологические станции в Российской империи чаще всего организовывались в качестве неформальных институций под эгидой обществ естествоиспытателей. Были случаи организации станций напрямую, как университетских учебно-вспомогательных учреждений, однако они были редки. Бюрократизация процесса организации станций и их финансирования приводила к поиску пути наименьшего сопротивления, то есть к созданию станций в частном порядке. Нельзя сказать, что официальные структуры не поддерживали станции: эти научные учреждения получали финансирование иногда точечное, иногда постоянное от Министерства народного просвещения и Министерства земледелия и госимуществ. Станции таким образом представляли собой формальные институции университетов или научных обществ, которые получали значительную поддержку по неформальным каналам.

Не будучи официально университетскими учреждениями, а организуясь под эгидой научных обществ, они оказывались уязвимыми с финансовой точки зрения и чаще всего содержались за счет поддержки частных лиц, среди которых первенствовали их основатели. За каждой станцией стоит имя ее создателя, который являлся не только администратором, но зачастую и меценатом. Такими были А. О. Ковалевский для Севастопольской станции, А. А. Коротнев для Вилла-Франкской станции, Н. П. Вагнер для Соловецкой станции, Н. Ю. Зограф для станции на озере Глубоком, И. П. Бородин для Бологовской станции, Г. А. Кожевников для Косинской, П. Н. Бучинский для Одесской, К. К. Сент-Илер для Ковдинской станций. Можно сказать, что биостанциям повезло в том смысле, что некоторые профессора-биологи, их основавшие, не были бедными людьми, поэтому могли вкладывать собственные средства. Однако не всегда основатели имели средства или могли привлечь их извне, поэтому станции заметно страдали от недофинансирования. И, как нам видится, основной причиной этого был как раз неформальный статус этих формальных институций, не встроженных в официальные государственные структуры, в том числе по причине незаинтересованности официальных лиц.

Список сокращений

ИСПБОЕ — Императорское Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей

МНП — Министерство народного просвещения

МОИП — Московское общество испытателей природы

ОЛЕ — Общество любителей естествознания

ОЛЕАЭ — Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии

РГИА — Российский государственный архив

Примечания

- ¹ Фокин С. И. Русские зоологи в Неаполе // Наука в России. 2010. № 5. С. 70–77 [Электронный ресурс]. URL: https://library.by/portalus/modules/biology/readme.php?subaction=showfull&id=1407758312&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 13.03.2023).
- ² Народное хозяйство в 1913 году. Пг., 1914. С. 632.
- ³ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1085. Л. 7об.
- ⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 143. Д. 86. Л. 2об.–3.
- ⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 143. Д. 122. Л. 1об.–2.
- ⁶ Зограф Н. Ю. Гидробиологическая станция на Пленском озере в Голштинии и на Глубоком озере Рузского уезда Московской губернии. М., 1896. С. 6.
- ⁷ Зограф Н. Ю. Два слова о гидробиологической станции на Глубоком озере // Работы Гидробиологической станции, учрежденной на Глубоком озере. 1900. Кн. 1. С. 3.
- ⁸ Там же. С. 4–5.
- ⁹ Зограф Н. Ю. Гидробиологическая станция на Пленском озере в Голштинии и на Глубоком озере Рузского уезда Московской губернии. М., 1896. С. 9–10.
- ¹⁰ Лепешкин В. Д. Станция экспериментальной биологии в штате Иллинойсе (Сев. Америка) // Работы Гидробиологической станции, учрежденной на Глубоком озере. 1900. Кн. 1. С. 122.
- ¹¹ Бородин И. П. Пресноводная Биологическая станция Императорского С.-Петербургского общества естествоиспытателей. СПб., 1906. С. 3.
- ¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 405. Л. 2об.
- ¹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 405. Л. 1.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 321; Бучинский П. Зоологическая станция при Новороссийском университете. С. 7.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 897. Л. 462.
- ¹⁶ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1914 год. С. 160.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 321. Л. 3.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 321. Л. 5 об.
- ¹⁹ Сент-Илер К. К. Отчет об экскурсии студентов физико-математического факультета Императорского Юрьевского университета на Белое море летом 1915 года. Юрьев, 1911. С. 5.

Список источников

1. Горяшко А. Острова блаженных. История биологических станций Белого и Баренцева морей. М.: Паулсен, 2022. 432 с.
2. Лайус Ю. А. Полевая наука на море: история морских биологических станций // Социология власти. 2021. № 3. С. 209–237.
3. Фокин С. И., Смирнов А. В., Лайус Ю. А. Морские биологические станции на Русском Севере (1881–1938). М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 129 с.
4. Кривошеина Г. Г. «Общество губителей естествознания» или «Московская академия наук»? К 150-летию со дня основания ОЛЕАЭ // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 4. С. 57–71.
5. Dohrn A. Der gegenwartige Stand der Zoologie und die Grundung zoologischer Stationen // Die Naturwissenschaften. 1926. N 14. S. 412–424.
6. Groeben C. Anton Dohrn the statesman of Darwinism // Biological Bulletin. 1985. V. 168, N 3. P. 4–25.
7. Юрахно В. М. Севастопольская и Неаполитанская биологические станции — от основания и до наших дней // Морський екологічний журнал. 2007. Т. VI, № 3. С. 90–98.
8. Groeben C. The Stazione Zoologica Anton Dohrn as a place for the circulation of scientific ideas: vision and management / Anderson, K. L. & C. Thiery (eds.) // Information for Responsible Fisheries: Libraries as Mediators: proceedings of the 31st Annual Conference: Rome, Italy, October 10–14, 2005. P. 291–299.

9. Сивцова А. Г. История создания Института биологии южных морей // Очерки истории Севастопольской биологической станции — Института биологии южных морей (1871–2011) / под ред. Н. В. Шадрина. Севастополь, ЭКОСИ-Гидрофизика, 2011. С. 9–163.
10. Зоотомический кабинет (Кафедра зоологии беспозвоночных) Санкт-Петербургского университета: к 140-летию основания. М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2011. 285 с.
11. Ключе Г. А. Исторический очерк развития Мурманской биологической станции. Л., 1925. 26 с.
12. Тамайчук А. Н. Прошлое и настоящее океанологической обсерватории Вильфранша // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «География». 2012. Т. 25 (64), № 3. С. 23–32.
13. Коровчинский Н. В. Глубокое озеро // Природа. 1986. № 10. С. 57–69.
14. Широкова В. А., Озерова Н. А. Косинские озера как колыбель Российской лимнологии: история Косинской биологической станции и Косинского заповедника // Вопросы истории естествознания и техники. 2019. Т. 40, № 2. С. 233–253.
15. Загоровский Н. А. Зоологическая станция Новороссийского университета, ее задачи и деятельность // Труды первого всероссийского гидрологического съезда в Ленинграде 7–14 мая 1924 г. Л., 1925. С. 493–495.

References

1. Goryashko A. *Ostrova blazhennykh. Istoriya biologicheskikh stantsii Belogo i Barentseva morei* [The islands of blessed ones. The history of biological stations of the White and Barents seas]. Moscow, Paulsen, 2022, 432 p. (In Russ.).
2. Laius Yu. A. Polevaya nauka na more: istoriya morskikh biologicheskikh stantsii [Field science in the sea: the history of sea biological stations]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power], 2021, no. 3, pp. 209–237. (In Russ.)
3. Fokin S. I., Smirnov A. V., Laius Yu. A. *Morskie biologicheskie stantsii na Russkom Severe (1881–1938)* [Sea biological station in the Russian north (1881–1938)]. Moscow, KMK, 2006, 129 p. (In Russ.).
4. Krivosheina G. G. “Obshchestvo gubitelei estestvoznaniya” ili “Moskovskaya akademiya nauk”? K 150-letiyu so dnya osnovaniya OLEAEH [“The society of destroyers of natural history” or “Moscow academy of science”? To the 150th anniversary of OLEAEH foundation]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Studies in the History of Science and Technology], 2013, no. 4, pp. 57–71. (In Russ.).
5. Dohrn A. Der gegenwartige Stand der Zoologie und die Grundung zoologischer Stationen. *Die Naturwissenschaften*, 1926, no. 14, ss. 412–424.
6. Groeben C. Anton Dohrn the statesman of Darwinism. *Biological Bulletin*, 1985, vol. 168, no. 3, pp. 4–25.
7. Yurakhno V. M. Sevastopol'skaya i Neapolitanskaya biologicheskie stantsii — ot osnovaniya i do nashikh dnei [Sevastopol and Neapolitan biological stations — from the foundation till these days]. *Mors'kii ekologichnii zhurnal* [The sea ecological journal], 2007, vol. VI, no. 3, pp. 90–98. (In Russ.).
8. Groeben C. The Stazione Zoologica Anton Dohrn as a place for the circulation of scientific ideas: vision and management / Anderson, K. L. & C. Thiery (eds.). *Information for Responsible Fisheries: Libraries as Mediators: proceedings of the 31st Annual Conference: Rome, Italy, October 10–14, 2005*, pp. 291–299.
9. Sivtsova A. G. Istoriya sozdaniya Instituta biologii yuzhnykh morei [The history of creation of the Institute of biology of the southern seas]. *Ocherki istorii Sevastopol'skoi biologicheskoi stantsii — Instituta biologii yuzhnykh morei (1871–2011)* [Essays on the history of Sevastopol biological station — the Institute of biology of the southern seas (1871–2011)]. Sevastopol', EHKOSI-Gidrofizika, 2011, pp. 9–163. (In Russ.)
10. *Zootomicheskii kabinet (Kafedra zoologii bespozvonochnykh) Sankt-Peterburgskogo universiteta: k 140-letiyu osnovaniya* [Zootomical cabinet (Cathedral of zoology of nonvertebrate) of Saint Petersburg university: to the 140th anniversary of foundation]. Moscow, KMK, 2011, 285 p. (In Russ.).
11. Klyuge G. A. *Istoricheskii ocherk razvitiya Murmanskoi biologicheskoi stantsii* [Historical essay of development of Murmansk biological station]. Leningrad, 1925, 26 p. (In Russ.).
12. Tamaichuk A. N. Proshloe i nastoyashchee okeanologicheskoi observatorii Vil'fransha [The past and the present of Villafranca oceanographic observatory]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo*

universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya "Geografiya" [Memoirs of Tavria national university named after V. I. Vernadsky. Issue Geography], 2012, vol. 25 (64), no. 3, pp. 23–32. (In Russ.).

13. Korovchinskii N. V. Glubokoe ozero [The lake Glubokoye]. *Priroda* [Nature], 1986, no. 10, pp. 57–69. (In Russ.).
14. Shirokova V. A., Ozerova N. A. Kosinskie ozera kak kolybel' Rossiiskoi limnologii: istoriya Kosinskoi biologicheskoi stantsii i Kosinskogo zapovednika [The lakes of Kosino as the cradle of Russian limnology: the history of Kosino biological station and Kosino reserve park]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Studies in the History of Science and Technology], 2019, vol. 40, no. 2, pp. 233–253. (In Russ.)
15. Zagorovskii N. A. Zoologicheskaya stantsiya Novorossiiskogo universiteta, ee zadachi i deyatel'nost' [Zoological station of Novorossia university, its goals and activity]. *Trudy pervogo vserossiiskogo gidrologicheskogo s"ezda v Leningrade 7–14 maya 1924 g.* [Proceedings of the first hydrological congress in Leningrad 7–14 May of 1924]. Leningrad, 1925, pp. 493–495. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. Ю. Жарова — кандидат биологических наук, научный сотрудник.

Information about the author

E. Yu. Zharova — PhD (biology), Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 30.03.2023; одобрена после рецензирования 09.04.2023; принята к публикации 21.04.2023.
The article was submitted 30.03.2023; approved after reviewing 09.04.2023; accepted for publication 21.04.2023.